

Анна Колотовкина

Эрика Манн. Школа варваров: воспитание при нацистах. Пер. с англ. Владимира Лазариса. СПб.: Jaromír Hladík Press, 2023. 224 с. ISBN 9785605067047.

*Анна Колотовкина, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом),
Россия. annykolotovkina@gmail.com.*

«Школа варваров» немецкой писательницы, журналистки и активистки Эрики Манн (1905–1969) находится на пересечении нескольких жанров и академических школ. Эта книга может быть прочитана как литературное произведение, манифест или историческое свидетельство, однако, на мой взгляд, ее следует также рассматривать в контексте социологии образования. Манн размышляет о школе и авторитаризме, о том, как на первый взгляд консервативная и неповоротливая система стремительно меняется под влиянием политического давления. Для того, чтобы оценить вклад автора в дискуссию об образовании как части нациестроительства, следует определить основные направления исследований в этом поле.

Существующие исследования школьного и университетского образования в авторитарных системах и сложных политических контекстах можно разделить на несколько групп. Во-первых, это историко-антропологические исследования отдельных стран, написанные с опорой на архивные материалы, свидетельства очевидцев, медиа. Русскоязычные переводы научно-публицистических текстов на эту тему в последние годы приобрели большую популярность; многие из них затрагивают тему взросления в условиях милитаризации и пропаганды (см., например, Старгардт 2023). Во-вторых, следует назвать группу работ о последующем периоде смены политического строя, настроений, ценностей и преподавания морально нагруженных сюжетов, далеко отстоящих по времени от нынешних школьников (Oeser 2019). Образовательный процесс непрерывен, поэтому в истории школ можно увидеть как разные эпохи, так и швы между ними – переходы от трудного прошлого к неопределенному настоящему. В некоторых государствах дети получают образование на фоне периодически вспыхивающих и затухающих конфликтов, что стало стимулом к формированию особого направления в педагогике (Bekerman and Zembylas 2011).

«Школа варваров», впервые опубликованная в 1938 году, отличается от перечисленных выше работ прежде всего своей исторической близостью к описываемому времени. Исследование посвящено состоянию школьного образования в нацистской Германии и основывается на педагогических и пропагандистских материалах, которые Манн собирала вплоть до отъезда из Германии в 1935 году. Первое издание было озаглавлено «Десять миллионов детей» (Zehn Millionen Kinder) и предварялось предисловием Томаса Манна, отца Эрики. Книга сразу получила внимание прессы, хорошо продавалась и сделала писательницу известной. Впоследствии Манн выступала с лекциями об антифашизме, школьном образовании, положении женщин в нацистской Германии и на другие темы (Weiss 2024:141–142, 161) и стала «политическим комментатором» (Plock 2010:106).

Это во многом определило характер ее дальнейшей работы: произведения для детей в антифашистском духе, журналистские репортажи (в том числе о Нюрнбергском процессе).

Первые академические рецензии на книгу отмечали склонность Манн к генерализации и толкованию отдельных наблюдений как общей тенденции. Однако при этом критики понимали ограниченность исследовательских возможностей в условиях нацистского режима и полагали книгу ценным свидетельством (Brickman 1941:126). Свое рискованное пребывание в Германии автор косвенно объясняет в тексте книги: «Очень важно, чтобы хоть немного интеллектуалов и разумных людей осталось в стране» (с. 20). Критики предполагают, что такие «оставшиеся разумные люди» были одной из аудиторий, для которых писала Манн – наряду с эмигрантами и некоторыми американцами, осуждавшими происходящее, но не желавшими вмешиваться в европейские дела (Елисеев 2024). После окончания войны Манн ненадолго приезжает в Германию. Ее отношение к немцам остается радикально отрицательным и непрощающим; корни этого чувства можно найти в работе над рецензируемой книгой – собранные интервью и изучение материалов внушили Манн глубокое отвращение (Weiss 2024:213).

В прологе исследовательница знакомится и общается с фрау М., внутренней эмигранткой, готовящейся к окончательному отъезду из Германии, чтобы уберечь своего ребенка от местной образовательной системы. Уже после этого разговора фрау М. и ее муж были арестованы, а сын отправлен в детдом, о чем Манн пишет с горькой иронией: «можно надеяться, что из мальчика еще удастся сделать настоящего национал-социалиста» (с. 26). Упомянутое интервью получилось достаточно личным. Манн признается, что южный диалект информантки тронул ее, вызвал ностальгию и воспоминания о детстве в Мюнхене, которые, однако, сразу пришлось пресечь (с. 14). Это один из немногочисленных разговоров-интервью, упоминаемых в книге. Автор утаивает их точное количество и содержание отчасти из соображений безопасности для информантов, отчасти, видимо, из-за замысла книги, построенной на печатных источниках. Тем не менее, некоторые из авторских комментариев к описываемым материалам наводят на мысль, что Манн обсуждала их с учителями или учениками, в Германии или вне ее. На протяжении всей книги это ощущение сохраняется: автор придерживалась строгой методологии, однако не стала четко описывать ее в книге. Хотя в тексте отсутствует описание сбора данных, Манн указывает источники всех цитат – так становится понятным, что исследование основано на внушительном корпусе текстов¹.

Значительная часть материалов, с которыми работала Манн, связана с преподаванием – учебники, методические материалы, сценарии уроков и внеклассных занятий. На примерах учебных пособий для всех возрастов – от дошкольных букварей в милитаристском духе до серии научно-популярных брошюр «Сочинения

¹ Комментарии, добавленные при подготовке русскоязычного издания, облегчают чтение: даны пояснения к событиям, терминам и именам многочисленных политиков и общественных деятелей. Последнее особенно важно, потому как на момент выхода первого издания упомянутые личности в большинстве своем оставались живы; современное же издание с комментариями создает впечатление завершенного сюжета.

о германском обновлении» – она показывает, как работает пропаганда. Также Манн изучает детскую и подростковую литературу, радио, газеты (в том числе те, куда пишут сами школьники), стихи и песни, игры. Кроме того, Манн анализирует высказывания чиновников разных уровней, законодательство и прессу. На смену закрытым и запрещенным изданиям в Германии приходят новые газеты, подробно задокументировавшие жизнь учительских сообществ, молодежных организаций, идеологов нацизма. Источником выступает и зарубежная пресса (репортажи иностранных журналистов и свидетельства уехавших), однако скорее в виде исключения – для Манн явно важнее взгляд «изнутри».

Критики Манн и те, кто имел отношение к публикации ее книги, позиционировали последнюю как актуальную журналистскую работу и этическое высказывание человека, еще недавно находившегося внутри описываемых событий (с. 10; см. также Brickman 1941). С течением времени «Школа варваров» стала восприниматься как исторический источник, связанный не только со школой, но и с биографией самой Манн (равно как и с судьбами других немецких эмигрантов). Тем не менее, книгу можно и нужно читать с социологических позиций, обращая внимание на то, какие вопросы Манн задает нацистской образовательной системе, к каким выводам приходит – не все они исключительно описательные или обличительные. Попробуем рассмотреть отдельные части книги с точки зрения современных исследований государства и образования.

На протяжении всего повествования Манн прослеживает путь абстрактного немецкого ребенка, проходящего через разнообразные школьные и внеклассные занятия, ступени обучения, семью, церковь, молодежные организации. Главы, посвященные разным сферам жизни ребенка, не имеют единой структуры: где-то автор обильно цитирует прессу или учебные материалы, где-то описывает историю вопроса, где-то опирается преимущественно на собственные рассуждения, приводит анекдоты и слухи. Все ею описанное можно охарактеризовать как повседневную милитаризацию. Последняя предполагает не столько побуждение населения к участию в войне, сколько сдвиг нормы: война становится частью повседневности. Это делается с помощью образования, медиаресурсов, а также индустрии развлечений и контента, связанного с войной (*militainment*) (Åhäll 2016). Из множества описанных в книге сюжетов выделим несколько ключевых: учительская профессия, организация обучения и школьные предметы, молодежные организации.

Глава об учителях содержит статистические данные и подробно фиксирует трансформацию не столько конкретных людей, сколько профессии в целом. Манн последовательно описывает, как вербовка отдельных учителей сменилась полным контролем нацистского правительства над образовательной системой. Методические разработки, переписанные учебные пособия, конференции и объединения – все это становится для нее признаками жесткого государственного контроля. Однако мы видим и пересборку профессии, стремящейся легитимировать себя. Одна из форм новой экспертизы – разветвленная система педагогических изданий – становится значимым источником для обсуждаемой книги. Например, исследовательница упоминает об актах микросопротивления: «учитель уже считается героем, если он говорит ученику “Доброе утро” вместо “Хайль Гитлер”, если общается

с еврейским учеником без малейшего отвращения, если выбирает стипендиатом действительно одаренного ученика, совершенно неспособного к занятиям спортом» (с. 67–68). Свидетельства такого рода Манн находит в официальных источниках – например, в педагогических газетах, где критикуют недостаточно сознательных анонимных учителей. Тема сопротивления учителей нацистскому режиму появляется и в академической литературе сразу после войны (см., например, Maublanc 1947). Кроме того, официальные документы, связанные с работой школьной системы, позднее позволили проводить исследования в области исторической социологии.

Функционирование школ, университетов и соответствующее законодательство особенно интересуют Манн. Она приводит несколько анекдотических сюжетов, в которых попытки реформирования и оптимизации приводят к хаосу: «министру потребовались долгие месяцы, дабы уразуметь, что, как бы ни «скользила» его восьмидневная неделя, уложить пятьдесят две такие недели в календарный год он не может. [...] Так в Германии появилась новая единица измерения – «один руст» – отрезок времени с того момента, когда министр образования издает указ, до того момента, когда он его отменяет» (с. 63). В современных политологических исследованиях такие сюжеты напоминают об известной концепции «seeing like a state» (Скотт 2005), что для современного читателя «Школы варваров» создает трагикомический эффект. Получается, что провальные проекты оптимизации социально-экономической сферы случаются и в демократических, и в тоталитарных обществах, порождая те же анекдоты и недоверие к правительству.

Самая подробная и документально точная часть книги – описание отдельных школьных предметов. То, как режим повлиял на школьные предметы в целом, Манн описывает общей формулировкой: «Учащиеся имеют дело почти исключительно с вопросами расы, деяний предков, общих корней, героизма, тайны немецкой миссии и немецкой души» (с. 89). Описанные изменения в преподавании истории вряд ли удивят русскоязычного читателя, но подобное можно наблюдать и в предметах, на первый взгляд, более устойчивых к пропаганде. Математические задачи предлагают вычислить территориальные потери в рамках навязанного Версальского договора (с. 85), а грамматику тренируют с использованием фраз вроде «бомбардировавший моего отечества несет разрушение» (с. 89).

Использование готовых форм – задачник, грамматических упражнений, праздников, игр – и наполнение их новым содержанием исторически не является исключительным случаем. Например, в раннесоветское время подобным образом менялись учебные планы, коммеморативные практики, церемонии и праздники (Рольф 2009), настольные и подвижные игры для внеклассной работы (с сюжетами вроде «противостояние красных и белых») (Щербинин 2014). Перерабатывая или изобретая нарративы, государство вынуждено действовать в определенных рамках (инфраструктура, устоявшиеся практики, историческое знание), даже если идеология изменилась. Так, после распада СССР сложившиеся формы воспитательной работы воспроизводятся с новыми смыслами – например, когда на «уроки мужества» приглашают священников или когда в летних лагерях обучают основам предпринимательства.

Заключительная часть «Школы варваров» посвящена разнообразным молодежным организациям. Описав сложную структуру организаций для детей и молодежи, их близкое к военному устройство, Манн сразу находит любопытный сюжет конфликта. «Государственная молодежь» противопоставляет себя другим институтам, и это вполне естественное явление. Исследовательница отмечает, что само существование молодежных организаций подразумевает наличие внешнего врага, которому нужно противостоять, хотя на момент написания книги Германия еще не начала мировую войну. Самая очевидная группа преследуемых – евреи – уже были вытеснены из публичного пространства, но оставались школа, семья и частично церковь. Участники молодежных организаций восставали против пацифизма, встречавшегося в высказываниях священнослужителей, высмеивали в прессе консервативных учителей, далеких от новых идеалов, доносили на собственных родителей (с. 176–177). Получается закольцованная структура: нацистский ребенок, о котором Манн рассуждает в самом начале, проходит через подвергнутые идеологии семью и школу, чтобы в конце повествования, оказавшись в молодежной организации, нападать на эти же институты за их недостаточную идеологизированность.

О воспитании немецкой молодежи позднее выйдет большое количество подробных исследований – гораздо больше, чем посвященных непосредственно школе. Однако они будут написаны уже после войны, в которой члены молодежных организаций примут самое разное участие. Современные исследователи патристического воспитания и молодежных организаций обнаруживают то же противостояние «заряженных» учеников и менее радикальных учителей. Так, Джулия Хеммент в этнографическом исследовании конца 2000-х годов обращается к российским подросткам-участникам движения «Наши», которые, несмотря на свою малочисленность, нередко провоцировали в классе политические дискуссии и смущали учителей своим явным «антивестернизмом» (Hemment 2015:90–92). Находка Манн состоит в том, что она сразу уловила характер «государственной молодежи», ее потребность в столкновении с другими; это стремление в дальнейшем органично приведет выросших детей на фронт.

Физическая и хронологическая близость автора «Школы варваров» к описываемому сюжету восхищала как ее современников, так и нынешних читателей – особенно тех, кто понимает риски проведения исследований в автократиях. К этому хочется добавить еще одно замечание: смысловой и политический вес событий, личностей, документов чаще всего становится ясен на временной дистанции. Коллекция Манн впечатляет разнообразием и качеством отобранного материала. Современный историк, решивший бы воспроизвести «Школу варваров», может обратиться к архивам. У Манн такой возможности не было, однако исследовательская интуиция позволила ей определить принципы работы с документальными источниками.

Манн вряд ли стремилась написать книгу по истории или социологии образования – ее целью была фиксация явления, разворачивавшегося в реальном времени. Настоящее не обещало ничего хорошего: «трагедия для разума и душ детей, трагедия, которая омрачает их будущее» (с. 127). Привнесение моральных суждений и оценок в содержание книги и дискуссии вокруг нее после публикации было

необходимо, в том числе для привлечения внимания европейских и американских читателей – общественности и политиков. Тем не менее, с течением времени наблюдения Манн стали частью академической дискуссии о связи государства и школы.

Современные исследователи сходятся во мнении, что школьное образование – ключевой инструмент гражданского и патриотического воспитания, формирования знания о государстве и его истории. Вне зависимости от политического строя школы становятся идеологическим институтом, воспроизводящим официальный нарратив и передающим его новым поколениям. Государство занимается идеологическим и моральным воспитанием ребенка, и случай нацистской Германии, при всей его радикальности, не уникален.

В государствах с недавно сменившимся политическим режимом школа становится каналом продвижения новой идеологии, ведь воспитание детей означает воспитание новых граждан (Рольф 2009:220–221; Щербинин 2014). В автократиях образование само по себе служит инструментом устойчивости государства (Perry 2020). Демократические системы тоже не освобождены от включения актуальной повестки в образовательный процесс. Учителя истории и общественных наук вынуждены реагировать на происходящие в стране и мире события, учитывать этнические и классовые бэкграунды учеников при работе с историческим материалом, адаптировать новостную повестку для образовательных задач (Swalwell and Schweber 2016).

Работа с молодежью как инструмент решения государственных проблем характерна и для разных социально-политических контекстов. Проекты историко-патриотического воспитания, волонтерские объединения, организации дополнительного образования могут быть ориентированы на школьников, испытывающих трудности в обучении и дальнейшей профессиональной деятельности. Это жители провинции из небогатых семей с не самыми лучшими жизненными перспективами, из которых необходимо воспитать лояльных граждан; подобное можно наблюдать и в западных странах (Hemment 2015:10).

Исследование Манн охватывает предвоенный период (1933–1938), который современным читателям кажется менее значимым, чем последующий (1939–1945). Однако уже в этот временной отрезок Манн удалось уловить ключевые тенденции политизации образования. Изобретение новых смыслов в старых формах, переборка учительской профессии, создание молодежных организаций для работы с потенциально нестабильной частью общества, повседневная милитаризация – все это будет неоднократно изучено (и прожито) в последующие десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елисеев, Никита. 2024. «Не стыдно». *Горький*, 26 марта. <https://gorky.media/reviews/ne-stydno>.
- Рольф, Мальте. (2006) 2009. *Советские массовые праздники*. М.: РОССПЭН.
- Скотт, Джеймс. (1998) 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.
- Старгардт, Николас. (2006) 2023. *Свидетели войны: жизнь детей при нацистах*. М.: Колибри.
- Щербинин, Алексей. 2014. «Игры с Родиной: к вопросу о технологиях конструирования политической реальности». *Символическая политика* 2:219–231.

- Åhäll, Linda. 2016. "The Dance of Militarisation: A Feminist Security Studies Take on 'The Political.'" *Critical Studies on Security* 4(2):154–168. <https://doi.org/10.1080/21624887.2016.1153933>.
- Bekerman, Zvi, and Michalinos Zembylas. 2011. *Teaching Contested Narratives: Identity, Memory and Reconciliation in Peace Education and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brickman, William W. 1941. "Training for Totalitarianism: A Review of Erika Mann's Book 'School for Barbarians.'" *Journal of Education* 124(4):125–126.
- Hemment, Julia. 2015. *Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs*. Bloomington: Indiana University Press.
- Maublanc, René. 1947. "French Teachers in the Resistance Movement." *Science & Society* 11(1):38–52.
- Oeser, Alexandra. 2019. *When Will We Talk About Hitler? German Students and the Nazi Past*. New York: Berghahn Books.
- Perry, Elizabeth J. 2020. "Educated Acquiescence: How Academia Sustains Authoritarianism in China." *Theory and Society* 49(1):1–22. <https://doi.org/10.1007/s11186-019-09373-1>.
- Plock, Vike Martina. 2020. "Erika Mann, the BBC German Service, and Foreign-Language Broadcasting During WWII." *Modernism/Modernity* 27(1):103–123. <https://doi.org/10.1353/mod.2020.0004>.
- Swalwell, Katy, and Simone Schweber. 2016. "Teaching Through Turmoil: Social Studies Teachers and Local Controversial Current Events." *Theory & Research in Social Education* 44(3):283–315. <https://doi.org/10.1080/00933104.2016.1201447>.
- Weiss, Andrea. 2024. *In the Shadow of the Magic Mountain: The Erika and Klaus Mann Story*. Chicago: University of Chicago Press.